

БИЛИНГВАЛЬНАЯ РЕЧЬ

Билингвальные синтаксемы строятся на принципах порядка морфем и системных морфем, которые лежат в основе модели рамки матричного языка. Активизация содержательных морфем и разных типов системных морфем происходит на разных уровнях производства речи. Идея морфосинтаксической рамки как отдельного уровня при речепроизводстве подкрепляется психолингвистическими исследованиями, особенно в области речевых ошибок. Сопоставление высказываний с кодовыми переключениями и лексических ошибок дает возможность найти общий механизм порождения этих явлений.

Билингвизм и билингвальный тип коммуникации, взаимодействие языков, народов и культур становятся все более распространенными явлениями в нашем многоязычном мире, что определяет актуальность их изучения в рамках социолингвистики, психолингвистики, билингвологии и контактной лингвистики.

Билингв способен участвовать как в двух монологических, так и в билингвальном типах коммуникации. Билингвальный тип коммуникации характеризуется взаимодействием языков, основными формами которого являются интерференция и переключение кодов. В таком типе коммуникации происходит неполная деактивация одного из языков на одном или нескольких языковых уровнях или чередование активности двух языков при производстве высказывания в речи билингва. При неполной деактивации одного из языков наблюдается его **интерференция** в речи на другом языке, что происходит и в монологическом типе общения, если компетенция во втором языке недостаточно высокая. Собственно билингвальной речью мы считаем чередование активности двух языков, обычно допускаемое билингвом в общении с другими билингвами. Это явление известно как **переключение кодов (ПК)**.

Модель производства двуязычной речи, представленная М.Ф. Гарретом, основана на модели речепроизводства, созданной В. Левелтом [8], и состоит из следующих трех компонентов: **концептуализатора (conceptualizer)**, имеющего дело с лингвистическим дословесным сообщением; **формулятора (formulator)**, трансформирующего это содержание в лингвистическое сообщение; **артикулятора (articulator)**, производящего собственно внешнюю речь [6].

Уточняя и детализируя эту модель, К. Майерс-Скоттон выделяет в пределах формулятора два уровня: **функциональный**, который регулирует семантические и грамматические отношения единиц структуры, включая информацию, поступающую от леммы, и **позиционный**, который устанавливает

фонологическую форму и поверхностный порядок слов [10, с. 52].

Модель производства речи служит основой для **модели рамки матричного языка (РМЯ) (Matrix Language Frame Model)**. Основные положения этой модели представляют собой: 1) различие между **матричным** и **гостевым (embedded, guest)** языками¹, 2) различие между содержательными и служебными морфемами.

Матричный язык определяет морфосинтаксическую рамку в высказываниях с кодовыми переключениями на основании двух принципов: **порядка морфем (the Morpheme Order Principle)** и **служебных морфем (the System Morpheme Principle)**, которые определяют порядок морфем и обеспечивают предложение синтаксически релевантными морфемами из обоих языков, а также ограничивают роль гостевого языка в составе предложения. В ходе коммуникации ГЯ может активизировать свое присутствие то более отчетливо, то более ослабленно, что и определяет большую или меньшую частотность островных переключений ГЯ. При построении рамки из компонентов обоих языков все основные лингвистические операции определяются матричным языком, т. е. именно МЯ устанавливает порядок морфем и предоставляет синтаксически релевантные системные морфемы.

Модель РМЯ предполагает использование ряда терминов, которые требуют уточнения.

Рамка (frame) – это структура, предшествующая поверхностной реализации предложения. Рамка основана на учете следующих положений: А) правил установления порядка следования морфем; Б) указаний по реализации системных морфем. Ключевые иерархические отношения при ПК устанавливаются: а) между содержательными и системными морфемами; б) между МЯ и ГЯ как участниками рамочной конструкции. Вариации в поверхностной структуре – это результат различных процедур, обусловленных рамкой. Это означает, что определенные аспекты конструирования пред-

¹ Далее для обозначения матричного языка принято сокращение МЯ, для гостевого языка – ГЯ.

ложения устанавливаются задолго до применения поверхностных синтаксических правил.

Лемма (lemma), по определению В. Левелта, – это та часть лексической информации языковой единицы, которая включает семантический, синтаксический, а иногда и морфологический аспекты [8, с. 6]. Леммы являются источником исходных данных для построения поверхностных синтаксических структур. Именно леммы как единицы ментального лексикона, по мнению В. Левелта, связывают понятия (**conceptual information**) с грамматической функцией [8, с. 162]. Леммы, как уточняет К. Майерс-Скоттон, – это абстрактные лексические единицы, несущие прагматическую информацию, а также синтаксический потенциал (характеристики, позволяющие выполнять определенные синтаксические функции) [10, с. 50]. **Леммы** – это абстракции, которые сами не появляются в поверхностных структурах, но вызывают в них появление лексем.

Модель РМЯ создана для решения двух задач:

1) предсказать форму высказываний с ПК, чтобы установить, какие высказывания с ПК считать оформленными правильно, а какие – неправильно, лишь для достижения определенного стилистического эффекта;

2) предложить объяснение различиям в появлении морфем МЯ и ГЯ во внутрифразовых ПК с помощью модели речеобразования.

Модель РМЯ основана на психолингвистических исследованиях, особенно – на изучении **речевых ошибок (speech errors)**, а также некоторых типов афазии. И тот, и другой источники показывают различие в том, каким способом поступают в речь монолингвов системные и содержательные морфемы. В процессе кодовых переключений учитывается также социолингвистическая природа и динамика взаимодействия МЯ и ГЯ.

Главным механизмом, используемым МЯ для установления рамки, является деление морфем на **системные (system)** и **содержательные (content)**. Термин «system morphemes» взят из книги Д. Болинджера «Аспекты языка», где они определяются как **флексии и функциональные слова (inflectional morphemes and function words)** [2]. Связывая понятие этих двух типов морфем с процессом речеобразования и речевых ошибок, М.Ф. Гаррет утверждает, что системные и содержательные морфемы проявляют себя в них по-разному [5; 6]. Отмечают, что одной из отличительных осо-

бенностей содержательных морфем является их способность заимствоваться другими языками, но при синхронном анализе смешанных высказываний эта характеристика не имеет большого значения.

Между системными и содержательными морфемами прослеживаются определенные различия. К системным морфемам относят все флексии, так как их синтаксическое поведение очень заметно отличается от поведения таких содержательных морфем/слов, как существительные и глаголы. Однако по синтаксической роли не всегда можно определить различие между системными и содержательными морфемами. Особенно сложно это бывает сделать при сопоставлении предлогов и местоимений в разных языках.

Специальное определение системных морфем впервые дается в работе К. Майерс-Скоттон [9]. Для разграничения двух категорий слов² были установлены три универсальных критерия. Они заключаются в выявлении наличия или отсутствия следующих характеристик: а) квантификации (дейτικότητα, количественность, выбор временной рамки); б) «управление семантическими ролями»³; в) «получение семантических ролей» [10, с. 98-99].

Системные морфемы (слова) обладают только первым свойством. В английском языке в эту группу входят: вспомогательные глаголы и глаголы-связки; глагол *do*; предлог *of*, передающий значение родительного падежа; местоимения и местоименные наречия, выполняющие функции формальных членов предложения (*dummy-pronouns*); вопросительные слова; детерминанты; притяжательные прилагательные и другие слова, которые используются в препозиции к существительному (*all, any, no* и др.).

Содержательными морфемами (словами) являются большинство глаголов, предлогов, существительных, качественных (описательных) прилагательных и местоимений, которые их замещают.

Качественные и относительные прилагательные и наречия (содержательные морфемы) из ГЯ свободно появляются в смешанных структурах, а притяжательные прилагательные и количественные прилагательные-местоимения (системные морфемы) не обладают этим свойством. Наречия *very* и *too* – системные морфемы – не появляются в качестве единичных лексем в смешанных структурах, если они представляют ГЯ. Однако они часто являются начальными словами в пределах островов

² В тех случаях, когда границы слова и морфемы совпадают, мы используем их в применении к одной и той же единице.

³ У К. Майерс-Скоттон эти роли называются «тематическими».

ГЯ, например, *Ты знаешь об этом very well; Я был very surprised.*

Качеством «управление семантическими ролями» обладают глаголы и предлоги. Они играют ведущую роль в глагольном или предложном управлении. Например, глагол *beat* задает две роли – субъекта и объекта. Существительные и местоимения «получают» тематические роли от глаголов, которые ими управляют [10, с. 101]. Содержательные морфемы, получающие тематические роли, или семантические падежи, занимают такие позиции, которые позволяют задавать о них вопросы, так как их можно замещать вопросительными словами *who, what, how, when, where* и т. д.

Среди предлогов есть и системные морфемы, и содержательные, причем их статус в разных языках может не совпадать. Многие локативные и темпоральные предлоги относятся к группе системных морфем. Например, предлог *for* – содержательная морфема, так как она «управляет» семантико-синтаксическими ролями цели или бенефицианта. Содержательными морфемами также являются предлоги *before, between, with* и *within*.

Почти все местоимения являются содержательными морфемами. Исключение составляют *it* и *there* в функциях формального подлежащего и дополнения (экзистенциальная семантика) и клитики (*clitics*). Местоимения гостевого языка, которые имеют статус содержательных морфем, могут появляться в смешанных высказываниях. Однако самостоятельно, в качестве вкраплений, местоимения ГЯ появляются редко. Это объясняется тем, что в МЯ соответствующие единицы могут являться системными морфемами (например, клитиками), что и блокирует появление одиночных местоимений из ГЯ. Например, английское местоимение *you* и испанское *te* неконгруэнтны, так как последнее является клитикой, поэтому появление одиночного *you* в испанском предложении блокируется.

Осознавая разнородность содержательных и разных типов системных морфем, исследователи разделили их на группы, которые различаются по их месту в ментальном лексиконе и уровню абстракции, на котором они начинают проявлять себя в процессе порождения речи. В связи с этим дополнительно к основной модели РМЯ была создана модель 4М (**the 4-M Model**), основанная на выделении четырех групп морфем:

1. содержательные;

2. «**ранние**» системные морфемы (**early system morphemes**);

3. «**поздние соединительные**» системные морфемы (**late bridge system morphemes**);

4. «**поздние внешние**» системные морфемы (**late outside system morphemes**) [11].

Все системные морфемы имеют одну общую черту – они всегда ассоциируются с той содержательной морфемой, в пределах сочетания с которой они находятся. Разграничение между группами системных морфем основано на той последовательности, в которой происходит грамматическое оформление содержательной морфемы и ее синтаксических связей. Первые две группы морфем активизируются на более абстрактном уровне, чем вторые две.

Ранние системные морфемы (**early system morphemes**), или **напрямую избираемые** системные морфемы (**directly-elected**), активизируются на уровне леммы, одновременно с содержательными морфемами. Ранняя системная морфема может входить в состав той же леммы, что и содержательная морфема (например, выражение множественного числа существительного супплетивно), либо находиться в разных леммах (например, морфема *-s* как флексия, выражающая значение множественного числа существительных).

К ранним системным морфемам относятся флексии, и в первую очередь те, которые проявляют себя в качестве морфологических дублетов.

Системные морфемы двух других групп, «поздние» системные морфемы, получают свои структурные роли в процессе производства речи позднее, когда от лемм уже даны указания на уровень формулятора [11].

Поздние соединительные системные морфемы появляются вслед за ранними. Они необходимы для построения связей между морфемами в пределах синтагмы, так как с их помощью содержательные морфемы «внедряются» в словосочетание. Примерами этой группы морфем являются показатель посессивности *-s* и предлог *of* для оформления отношений родительного падежа в английском словосочетании, а также артикли.

Последняя группа системных морфем – поздние внешние – отличается тем, что при их применении происходит ориентация на синтаксические связи за пределами той синтагмы, в которую входит опорная содержательная морфема. Поздние внешние морфемы опираются на информацию о структуре целого предложения. Например, выбор поздней морфемы *any* (а не *some*) в словосочетании *any money* зависит от наличия отрицательного наречия *never* в предложении *He never gets any money*.

Некоторые леммы содержат комплексную лексему, которая состоит из нескольких морфем, од-

новременно выражающих несколько грамматических значений, как, например, немецкий артикль. При этом для некоторых языков морфема, кодирующая информацию о числе и роде, – ранняя системная морфема, а морфема, кодирующая информацию о падеже, – поздняя, так как ее информация касается внешних связей – сочетания с глаголом или предлогом, которые определяют семантическую роль словосочетания в предложении.

Если лемма содержит комплексную лексему, включающую позднюю морфему, именно поздняя морфема определяет момент вхождения лексемы в состав более крупной конструкции [11].

Согласно концепции К. Майерс-Скоттон [10], при установлении рамки наблюдается такая последовательность.

Шаг 1. Когда говорящие решают, что они хотят сообщить, для осуществления их коммуникативных намерений выбираются леммы. Это уровень репрезентации сообщения, где часто неосознанные решения включают некоторые социопрагматические установки, выражающиеся в том, будет ли избран один код или кодовые переключения.

Шаг 2. Производство речи начинается с построения рамки, в которую затем вставляются содержательные морфемы/слова. В случае с кодовыми переключениями возникает проблема выбора языка, который устанавливает рамку. Согласно модели РМЯ, из двух и более языков, участвующих в ПК, только один является доминирующим. МЯ является также наиболее активным языком и более других заметен в ПК, что проявляется в частоте его морфем на уровне дискурса.

Шаг 3. Действуя на функциональном уровне, леммы посылают информацию формулятору, который активизирует грамматическое кодирование. Для смешанной синтагмы это означает вызов грамматических «специалистов» только из МЯ – они строят рамку. Операции устанавливают правила МЯ для системных морфем, хотя эти морфемы появляются уже ближе к поверхностному уровню. Самые важные операции формулятора предусмотрены гипотезой МЯ и двух его принципов – порядка морфем и системных морфем. Как только началось построение рамки, параллельно приходят в действие знаменательные морфемы.

Шаг 4. На позиционном уровне возникает единая поверхностная структура с фонологическими репрезентациями.

По утверждению К. Майерс-Скоттон, есть все основания полагать, что производство двуязычной речи имеет много общего с производством одно-

язычной речи. Однако порождение билингвальной речи идет более сложным путем, так как ей нужны дополнительные «правила движения», активизирующие одни леммы для одного языка и другие леммы – для другого.

Двуязычная структура проходит через два комплекса процедур:

- 1) установление рамки с порядком морфем и системных морфем из МЯ,
- 2) заполнение рамки содержательными морфемами.

Когда содержательные морфемы избраны, все операции ПК закончены. Активизируются леммы либо из МЯ, либо из ГЯ, вызывая, соответственно, содержательные морфемы из МЯ или из ГЯ.

Если операции МЯ полностью подавляются операциями ГЯ, возникают острова ГЯ. В пределах острова ГЯ действуют правила грамматики ГЯ, а системные и содержательные морфемы берутся только из ГЯ [10, с. 115-119].

Анализ ошибок в речи монолингвов дает полезный материал для изучения кодовых переключений, так как исследователи находят в этих двух процессах много общего в использовании разных типов слов/морфем. По мнению К. Майерс-Скоттон, причины некоторых ошибок являются первичными мотиваторами для модели РМЯ [10]. Поэтому речевые ошибки здесь рассматриваются подробнее.

Речевые ошибки поддерживают гипотезу, предсказывающую разделение **функционального** (семантика и грамматика) и **структурно-позиционного** (фонологическая форма и поверхностный порядок слов) уровней. С их помощью выясняется и разное местонахождение системных и содержательных морфем в ментальном лексиконе. Кроме того, речевые ошибки предполагают различия между системными морфемами по их связи с ведущими словами сочетаний [10, с. 53].

Речевые ошибки встречаются на всех языковых уровнях. Из фонетических ошибок релевантными для модели РМЯ являются «**смещения звуков**» (**sound mislocations**). Лексические ошибки можно разделить на 3 группы: **бленды (blends)**, **субституции (substitutions)**, **взаимозамены (exchanges)**.

Взаимозамены слов имеют наибольшую значимость и объяснительную силу для модели ПК. Например, вместо *cut trees in the rain* произносится *cut rain in the trees*. В. Левелт считает, что такие словесные замены свидетельствуют о параллелизме и одновременном доступе к различным леммам со стороны различных фрагментов содержания [8, с. 222].

Взаимозаменяемые слова часто принадлежат одной синтаксической категории; часто они являются и ведущими компонентами словосочетаний, а также выражают сходные семантические роли.

Если формулятор делает ошибку в активизации соответствующей леммы из того же языка, тот же формулятор достаточно свободно вызывает лексическую реализацию из других языков, если она удовлетворяет требованиям леммы из МЯ [10, с. 55].

Ошибочные замены слов и фонем резко контрастируют в нескольких аспектах. По мнению М.Ф. Гаррета, словозамены происходят между синтаксемами или частями сложного предложения. Они наблюдаются только у слов одной семантической категории и встречаются в одинаковых синтаксических позициях [6, с. 160].

Если рамка для компонентов ПК, состоящая из морфем обоих языков, установлена матричным языком, содержательные морфемы любого языка могут быть вставлены в эту рамку при условии, что содержательные морфемы ГЯ конгруэнтны со сходными содержательными морфемами МЯ.

М.Ф. Гарретт указывает на интересную зависимость: единицы с прозрачной семантикой демонстрируют мало сходства в форме, а единицы с ярким формальным показателем демонстрируют мало сходства в значении [6, с. 160]. Это разделение звуковой формы и значения предполагает, что они разделены и на уровне речевого производства.

Если форма и значение леммы разделены до уровня, очень близкого к поверхностному, легче увидеть, как леммы из двух языков, участвующие в ПК и имеющие семантическое сходство, отождествляются формулятором (в билингвальной «**лемма-лэнд**»), даже если их формы различны. Такая близость на уровне лемм благоприятствует внедрению содержательных морфем ГЯ в те слоты, которые подготовлены леммой МЯ. Считаются, что оба языка билингва всегда «включены», даже если неодинаково активизированы в данный отрезок времени.

Главная конструирующая сила в высказываниях с ПК – различие в восстановлении содержательных и системных морфем. Такие различия в поверхностной структуре, как связанные/свободные морфемы, нерелевантны для ограничений на ПК. Например, в английском языке существительные не становятся связанными формами только потому, что способны иметь флексии множественного числа и притяжательного падежа.

Взаимозамены содержательных морфем (stranding exchanges) представляют собой такие ошибки, которые состоят в том, что содержатель-

ные морфемы меняют свои позиции, но без аффиксов, а аффиксы остаются «**зафиксированными**» (**stranded**) [5, с. 76]. Примеры взаимозамен:

How many pies does it take to make an apple?
вместо

How many apples does it take to make a pie? [5, с. 76].

The flood was roaded вместо

The road was flooded [14, с. 162].

Большая частотность подобных ошибок (приблизительно 90% от всех ошибок на аффиксы) говорит об их неслучайном характере.

М.Ф. Гарретт [5, с. 77] называет взаимозамены системных морфем **ошибками нефонологического сдвига**: передвигаются функциональные слова и флексии. Например: *Mermaid moves their legs together* (должно быть: *Mermaids move their legs together*). Эти ошибки объясняются неправильным местоположением единичных элементов в процессе помещения компонентов рамки в речевую цепь [6, с. 165].

Ошибки взаимозамены позволяют прийти к выводу о том, что перемещения лексических единиц и флексий говорят об их раздельном и параллельном вводе; поэтому, если неудача сопровождает одну из этих категорий при вводе, то она не обязательно влечет за собой неудачу в другой категории [14, с. 163].

М.Ф. Гарретт указывает, что системные морфемы, в отличие от содержательных, редко наблюдаются в ошибках звуковых замен (sound-change). Они «гуляют» при взаимозамене слов (word-movement exchange). Поскольку системные морфемы строят рамку и отсутствуют в лексическом списке, при перемещениях единиц из этого списка в структуре или при функциональных заменах элементы рамки не перемещаются [6, с. 165].

На основании установленных различий между статусом системных и содержательных морфем можно предположить, что, хотя в «**лемма-лексиконе**» могут быть и те, и другие, системные морфемы вызываются для речевого производства раньше, чем содержательные морфемы. Они устанавливаются в рамке раньше – еще до того, когда определены содержательные морфемы. Однако классы содержательных морфем могут быть известны раньше (например, форманты падежей указывают на появление существительных). Это не значит, что системные морфемы уже имеют фонологическую форму и другие свойства на уровне поверхностных структур.

Можно предположить, что в высказываниях с ПК существительные из ГЯ могут появиться в сло-

тах (slots), которые уже отмечены формантами падежей МЯ. Такой тип ПК действительно встречается.

Фонологическое оформление системных морфем происходит не ранее установления позиционного уровня. Это явление часто называют «**ошибкой размещения**» («**accomodation error**»), т. е. системной морфеме присваивается ошибочная форма, хотя и в правильном слоте, например, вместо правильного: *A language acquisition device* произносится: *An anguage lacquisition device*. Артикль имеет форму [ə n], так как предшествует ошибочному элементу (*anguage*). Это означает, что в то время, когда делается ошибка, фонологическая форма системной морфемы еще не определена [10, с. 60].

Однако не все ученые согласны с тем, что дело обстоит именно так. Ж. Бок считает, что в английских предложениях морфемы закрытого класса не ингерентны для структурной рамки, иначе не было бы, например, вариативности в использовании предлогов «*to*» и «*for*» в предложении: *The secretary is taking a cake to her boss* [1, с. 4]. Отсюда следует вывод о том, что специфическая форма предлога не ассоциируется со структурной рамкой и не идентифицируется с ней (Воск 1989: 181). Эти результаты интерпретируют и иначе. Во-первых, просодические особенности предложения могут иметь большее значение, чем синтаксис. «*To*» и «*for*» имеют одинаковую просодию, а беспредложная конструкция – иную (...*her boss a cake*). Во-вторых, семантические падежи (аргументы) в беспредложной конструкции имеют разный порядок: **пациент+цель/бенефициант** × **цель/бенефициант+пациент**. Возможно, аргументная структура теснее связана со структурной рамкой, чем специфика системных морфем, которые способны появиться в рамке. Другие лингвисты предполагают, что основы и аффиксы при речепроизводстве не разделены, т. е. слова выбираются целиком [3; 4]. Это особенно важно учитывать в тех случаях, когда переключения демонстрируют «**дублированную морфологию**» («**double morphology**»), т. е. одна основа (из ГЯ, а не МЯ) имеет аффиксы как из ГЯ, так и из МЯ.

Особенно часто в случаях речевой ошибки вместе с основой перемещаются показатели множественного числа. Другие флексии связаны с основой менее тесной связью. Окончание множественного числа имеет меньше всего синтаксических ограничений и может сочетаться с существительными в любой позиции. Гипотеза В. Левелта [8, с. 183] сформулирована так: морфемы множе-

ственного числа располагаются в тех же местах, что и формы единственного числа. В некоторых языках в одном лемма-входе с основой находятся и окончания глагола.

Ж. Петерсен [12, с. 488] пишет, что ее дочь в 1;6 одновременно использовала английский и датский определенные артикли: *The pige-n* (*the+girl+the*); *The navle-n* (*the+navel+the*), где *-n* – датский суффикс, используемый в функции, аналогичной функции определенного артикля в английском языке.

Как показывает анализ речевых ошибок, в отличие от показателя мн. ч. морфема падежа легко отделяется от основы, но не от синтаксической рамки. Показатели падежа, числа и других категорий легко передвигаются после того, как лемма внедрена в свой грамматический слот. Легкость их передвижения указывает на первоочередность их установления, и по этой причине они не перемещаются [10, с. 63].

Если ошибки представляют собой неправильное использование падежа, то флексии показывают, какой падеж требуется в слоте, где произошла ошибка. Другими словами, если рамка маркирована категорией падежа, то это свидетельствует в пользу того факта, что эти системные морфемы самостоятельны на входе, без основы (lexical head).

Многие примеры подтверждают то, что системные морфемы устанавливаются раньше слов открытого класса, поэтому синтаксические характеристики планируемой рамки зафиксированы до внедрения в нее других слов. Такие выводы создают базу для модели РМЯ.

Для модели РМЯ важно и то, что оба языка билингва имеют «прямые пути» в общую концептуальную базу. Согласно модели П. Шваненфлюгеля и М. Рея [13], концепты представлены в нейтральной для обоих языков понятийной системе, где ни один из языков не является посредником для другого. Ф. Гросджин и С. Соарес [7] доказывают, что в двуязычной коммуникации билингвы дольше подбирают переключенные слова (из Я₂ в речи на Я₁), чем в одноязычной коммуникации слова одного и того же языка.

ГЯ имеет прямой доступ к общей базе концептов через свои собственные леммы, что дает ему возможность построить островные ПК. В двуязычных синтаксемах ГЯ содержат морфемы, доступные через леммы МЯ, но рамку строят леммы из МЯ [10, с. 66].

Таким образом, билингвальное речепроизводство характеризуется тем, что два языка активизированы в разной степени и играют неодинаковую

роль при построении высказывания. Говорящий имеет больший доступ к леммам матричного языка.

Билингвальные синтаксемы строятся на основании принципов порядка морфем и системных морфем, которые лежат в основе модели рамки матричного языка. Активизация содержательных морфем и разных типов системных морфем происходит на разных уровнях производства речи.

Идея морфосинтаксической рамки как отдельного уровня при речепроизводстве подкрепляется психолингвистическими исследованиями, особенно в области речевых ошибок. Сопоставление высказываний с кодовыми переключениями и лексических ошибок, таких как взаимозамены слов, дает возможность найти общий механизм порождения этих явлений.

Список использованной литературы:

1. Bock J. K. Closed-class immanence in sentence production // *Cognition*, 1989, v. 31. – Pp. 163-186.
2. Bolinger D. *Aspects of Language*. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968.
3. Butterworth B. Lexical representation // B. Butterworth (ed.), *Language Production, Development, Writing and other language Processes*. – London: Academic Press, 1983. – Pp. 257-294.
4. Butterworth B. Lexical access in speech production // D. Marslen-Wilson (ed.), *Lexical Representation and Process*. – Cambridge, Mass.: M.I.T., 1989. – Pp. 108-135.
5. Garrett M. F. Process in sentence production // F. Newmeyer (ed.), *The Cambridge Linguistic Survey*, iii. – Cambridge: C.U.P., 1988. – Pp. 69-96.
6. Garrett M. F. Sentence processing // D. Osherson & H. Lasnik (eds.), *An Invitation to Cognitive Science*, i/1. – Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1990. – Pp. 133-175.
7. Grosjean F. & Soares C. Processing mixed language: Some preliminary findings // J. Vaid (ed.), *Language Processing in Bilinguals: Psycholinguistic and Neurolinguistic Perspectives*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1986. – Pp. 145-189.
8. Levelt W.J.M. *Speaking: from intention to articulation*. – Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1989.
9. Myers-Scotton C. Building the frame in code-switching. Evidence from Africa // *Topics in African Linguistics*. – Amsterdam/Philadelphia, 1993. – Pp. 275-278.
10. Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching* / 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1997.
11. Myers-Scotton C. & Jake J.C. Explaining Aspects of Codeswitching and their Implications // J. Nicol (ed.), *One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing*. – Oxford: Blackwell, 2000. – Pp.91-125.
12. Petersen J. Word-internal code-switching constraints in a bilingual child's grammar // *Linguistics: An Interdisciplinary J. of the Language sciences*. – B., etc., 1988, v. 26, №3. – Pp. 479-493.
13. Schwanenflugel P. J. & Rey M. Interlingual semantic facilitation: Evidence for a common representational system in the bilingual lexicon // *Journal of Memory and Language*, 1986, v. 25. – Pp. 605-618.
14. Stemberger J. P. An interactive activation model of language production // A. W. Ellis (ed.), *Progress in the Psychology of Language*. – Norwood, NJ, 1985. – Pp. 143-186.